

DOI 10.35775/PSI.2024.108.8.026

УДК 327.2

Я.Л. СКВОРЦОВ

кандидат социологических наук, декан факультета
международной журналистики МГИМО МИД России, Московского
государственного института международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, г. Москва
E-mail: skwortzow@yandex.ru

Г.И. КАЗАРЯН

бакалавр Московского государственного института
международных отношений (Университет) Министерства
и иностранных дел Российской Федерации,
Россия, г. Москва
E-mail: gorinich29@list.ru

Е.А. КУРИЛКИНА

бакалавр Московского государственного
института международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации, Россия, г. Москва
E-mail: kata.kurilkina.mail@gmail.com

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ НАТО И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

В статье рассматриваются информационные стратегии НАТО и их влияние на Россию в условиях гибридной войны. Актуальность исследования обусловлена необходимостью защиты национального суверенитета и информационной безопасности России. Основная цель работы – анализ информационных операций НАТО и разработка мер противодействия. Авторы исследовали официальные документы НАТО, в том числе доктрину «НАТО 2030», и выявили методы дезинформации и пропаганды. Основные задачи включают изучение методов информационного воздействия, оценку текущих мер защиты и разработку рекомендаций по их усилению. В ходе работы использованы методы сравнительного анализа и мониторинга информационного пространства. Результаты исследования подчеркивают необходимость консолидации усилий государства и гражданского общества для противодействия внешним информационным угрозам и повышения информационной грамотности населения. Рекомендации авторов направлены на развитие национальных информационных платформ и укрепление международного сотрудничества в области информационной безопасности.

Ключевые слова: глобальная политика, НАТО 2030, гибридная война, информационная война, стратегическая концепция, пропаганда, дезинформация.

Современный мир переживает новый виток глобальных конфликтов – войн «четвертого поколения». Опираясь на такой основополагающий документ как Концепция внешней политики Российской Федерации [1], в которой сказано, что в настоящее время наша Родина находится в состоянии гибридной войны с США и их сателлитами, проще говоря, с блоком НАТО, чьи усилия направлены на всестороннее ослабление России и ограничение ее суверенитета, особенно остро стоит вопрос противодействия вражеской пропаганде и дезинформации.

Почти в каждом своем официальном документе НАТО заявляет: «Мы – оборонительный союз» [5]. Но проводит ли оборонительный союз военные операции на территории других стран вопреки наложенному вето ООН и при этом не несет за свои действия никаких наказаний? Почему миролюбивый, оборонительный союз «переобувается в воздухе», нарушая публично данные в 1993 году обещания в ходе договора об окончательном урегулировании в отношении Германии, в частности нормы о не размещении войск стран-членов НАТО на территории бывшей ГДР, который по своему смыслу исключает расширение на восток? Разумеется, подобное поведение со стороны одного из крупнейших альянсов, будет восприниматься как угроза – прямая и весьма реальная, особенно, когда каждый месяц аналитики и исследователи публикуют свои статьи на сайте НАТО с подобными заголовками: «Россия против мира. Было ли это неизбежно?», «Конвергенция китайско-российских информационных операций в странах НАТО», «Сдерживание повествовательного потока: обоснование запрета Европейским союзом российских государственных СМИ» и масса тому подобных статей и документов. Сложно после этого считать организацию Североатлантического договора оборонительным союзом с исключительно мирными намерениями.

В одном из своих выступлений, заместитель генерального секретаря НАТО Мирча Джоанэ [9] заявил, что «вторжение России в Украину является частью более широкой картины резко ухудшившейся ситуации в области безопасности, когда авторитарные субъекты, такие как Россия, но также и Китай, открыто бросают вызов основным принципам нашей безопасности и подрывают основанный на правилах международный порядок» [9] и в очередной раз подчеркнул важность готовности стран НАТО к противостоянию в условиях «новой реальности растущей стратегической конкуренции и все более сложных угроз безопасности» [9]. Нет никаких сомнений, что для альянса Россия воспринимается не иначе как угроза, об этом прямым текстом говорится в основном документе Альянса – доктрине НАТО 2030: «Российская Федерация – прямая угроза безопасности не только для стран-членов НАТО, но и угроза стабильности во всем евроатлантическом регионе» [5]. Но справедливо ли слышать в нашу сторону такие обвинения? Очевидно, что сейчас мир находится в кризисной ситуации, в условиях информационной войны. Победителем из нее выйдет тот, кто сможет превзойти противника в тактике и в убеждении, кто преуспеет в противостоянии искусству лжи. Ежедневно наша страна обвиняется в нарушении мироустройства, основанного на правилах, которые способствовали стабильному

и предсказуемому европейскому порядку безопасности, в соперничестве со странами, которое несет за собой нестабильность и потрясения, и даже в угрозах глобального характера [5]. Эксперты НАТО активно продвигают следующий нарратив, представляющий Россию и ее союзников как зло всемирного масштаба: «Москва вознамерилась добиться перекройки карты, проводится пропаганда неоимперского русского мира; сомнение в национальной идентичности Украины и фундаментальном праве на существование; связанные с этим обвинения в преступности и нацизме, охвативших страну; обвинение в историческом расширении НАТО, а не в укрупнении» [5]. Впрочем, довольно забавно от экспертов США слышать подобные истории об империалистских намерениях. На западе считается, что главный козырь России состоит в том, чтобы сыграть на мифе о российской жертвенности, а также о видении США как об огромном разжигателе «цветных» революций в странах, поддерживающих РФ и свержении пророссийских лидеров [5]. В своей последней стратегической концепции НАТО официально заявил: «Мы ускорим нашу цифровую трансформацию, адаптируем структуру органов военного управления НАТО к информационному веку и укрепим нашу киберзащиту, сети и инфраструктуру. Мы будем поощрять инновации и увеличивать наши инвестиции в новые и прорывные технологии, чтобы сохранить нашу оперативную совместимость и военное превосходство» [5]. Можно ли это считать полноценной угрозой? Вполне.

Очевидно, что взаимодействие с гражданами и повышение их осведомленности является ключевой целью, к которой стремится каждая из сторон. Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг в одном из своих заявлений весьма четко сформулировал цели НАТО в области информационного воздействия: «Граждане, понимающие и поддерживающие миссию НАТО, имеют принципиальное значение для дальнейшего успеха Североатлантического союза. Поэтому информирование граждан в странах НАТО и по всему миру является важной частью активной деятельности союза в области коммуникаций и общественной дипломатии. НАТО постоянно обращается к аудитории – как к существующей, так и к новой – с информацией и новостями о том, что такое НАТО, что она делает и почему это важно. Кроме того, учитывая сегодняшнюю информационную среду, НАТО прилагает все усилия для противодействия враждебной информации, включая дезинформацию, с помощью основанных на фактах и заслуживающих доверия сообщений для информирования общественности» [10]. Сейчас предельно ясно, что победа будет не на стороне тех, в чьей армии будет больше солдат, а тот, кто получит большую поддержку со стороны масс.

Обзор документов, в которых отражены основные аспекты информационного воздействия организации североатлантического договора, хотелось бы начать с обозрения основной доктрины «НАТО 2030». Это масштабная инициатива, руководимая генеральным секретарем Йенсом Столтенбергом, направленная на то, чтобы НАТО сохраняла готовность, силу и единство для новой эпохи возросшей глобальной конкуренции [10]. В доктрине заявлено, что «НАТО адаптируется к растущей глобальной конкуренции и более непредсказуемым

угрозам, включая терроризм, кибератаки, разрушительные технологии, изменение климата, а также вызовы России и Китая» [10]. Таким образом, альянс напрямую и во всеуслышание заявляет, кого считает потенциальной угрозой и против кого выставляет штыки. В так называемой «методичке» прямым текстом сказано, что проведение различия между пропагандой и законной деятельностью НАТО по оказанию риторического влияния [10] – является одним из ключевых элементов воздействия. Над созданием «правильного образа» НАТО в настоящее время работает несколько специальных национальных и международных структур, основные из которых были перечислены выше.

Традиционная доктрина НАТО гласит, что общественные дела не могут «фокусироваться на руководстве общественными действиями или мнением, или манипулировании ими», а культура общественных дел такова, что миссия состоит в том, чтобы «информировать, а не влиять». Например, новобранцы, поступающие на службу в вооруженные силы США на должности связистов, проходят подготовку в отделе информации министерства обороны США – Школа (DINFOS), где их учат применять различные «информационные возможности». Между тем, общественные дела могут вестись военными и могут быть направлены на внутреннее население США, но их цель – только «информировать» [6]. Поскольку США, как они сами о себе говорят: «Являются самым влиятельным членом НАТО, их доктрина в значительной степени повлияла на политику НАТО в области военной связи» [6]. В 2008 году совет НАТО (НАС), постановил, что «информационные операции, направленные на влияние и контркомандование, могут проводиться только в рамках OPLAN (Плана операций) и, следовательно, с одобрения НАС». Это немало говорит о том, насколько серьезным аспектом НАТО считает информационное воздействие. До этого коммуникации с намерением оказать долгосрочное влияние разрешались только в рамках определенной миссии или операции и были ориентированы на иностранное местное население или на тех, с кем НАТО явно вела боевые действия. В последней военной доктрине НАТО в области стратегических коммуникаций, говорится о желаемых эффектах политики «StratCom» среди дружественной аудитории и необходимости для командующих «информировать аудиторию и влиять на нее с помощью «действий и слов». Соответственно, организация начала определять «Military StratCom» как процесс формирования особого, подконтрольного только США информационного пространства [6].

Чтобы поддерживать свое влияние на должном уровне, НАТО в настоящее время пересматривает свои учебные курсы по стратегическим коммуникациям в Школе НАТО в Обераммергау и в Центре передового опыта в области стратегических коммуникаций в Риге. Однако, как заявил Кристофер Пол, старший социолог корпорации RAND, Комитету по вооруженным силам палаты представителей: «Информировать, не оказывая влияния, невозможно: не существует такой вещи, как информация, не имеющая ценности. Каждое предоставление информации отражает отношение и убеждения, говорящего или пишущего и стремится служить какой-то цели» [6]. Даже излюбленная концепция альянса

по информированию и преподнесению информации «позволить фактам говорить самим за себя» предполагает, что есть, что за этими фактами стоит определенная позиция, которую хочет передать говорящий. Каждое предоставление информации – это и есть акт убеждения.

Любую информацию, которая противоречит интересам членов Североатлантического альянса, НАТО характеризует не иначе как дезинформация – целенаправленное создание и распространение ложной или сфабрикованной информации с целью ввести аудиторию в заблуждение. Этим термином принято называть враждебную деятельность в информационном поле. Любая дезинформация нацелена на то, чтобы дезинтегрировать альянс, посеять раздор между его членами и в конечном счете ослабить организацию [7].

Причем в практических руководствах и «методичках» альянса дезинформация отделяется от пропаганды. Пропаганда, согласно позиции НАТО, это распространение информации в пользу определенного актора, часто даже верной и правдивой. В целом, враждебная информационная деятельность – это скоординированные действия, целью которых является подрыв репутации НАТО, внушение населению недоверия к правительствам стран-членов НАТО, распространение ложных, сфабрикованных или же искусственно сгенерированных изображений, аудио- и видеоматериалов, вырванных их контекста цитат, и просто безапелляционная ложь [7].

Более широким и громким термином является «гибридная война» – НАТО борется с дезинформацией с помощью понимания и вовлечения и очень внимательно относится ко всему, что сообщается в СМИ о НАТО, его участниках, деятельности и направлениях работы. Для создания благоприятного образа в сознании людей НАТО взаимодействует с аудиторией по различным каналам, предоставляя точную информацию в своих публичных выступлениях – СМИ, веб-сайт НАТО, интервью и репортажи журналистам по всему миру и пр.

Специалисты информационных структур НАТО настраивают на тезисе, который гласит, что «неконтролируемая» информация способна посеять крах в обществе и подрывает доверие людей к органам власти [7]. Возникает вопрос, почему же так сложно подорвать доверие к столь этичным, правдивым СМИ и прозрачным правительствам? Не потому ли, что западная публика получает не факты, а «стерильный» медийный рацион, который представляет однобокий выдуманный мир, который делится только на черное и белое.

Стратегия противодействия «нежелательной» информации НАТО состоит из двух компонентов: понимание и взаимодействие. Для того, чтобы понимать источник и характер поступающей информации, альянс регулярно и тщательно проводит мониторинг и анализирует информационное пространство. Специально подготовленные специалисты используют отточенные техники и способы изучения, структурирования и типологизирования угроз, поступающих из медиа поля так, что НАТО будет иметь возможность своевременно и симметрично среагировать на вызов своей безопасности. Помимо анализа посланий, которые направляются в сознание людей из враждебного источника, НАТО

может заодно оценить и эффективность собственных СМИ и технологий информационного влияния на население.

Альянс не останавливается только лишь на реагировании на угрозу, но и делает все, чтобы предвосхитить и успеть нейтрализовать нежелательные высказывания, статьи, репортажи и пр. Помимо простого информационного освещения своих целей, интересов и направлений работы, НАТО также взаимодействует с аудиторией в странах-членах альянса и в странах-партнерах, повышая собственную устойчивость к информационным колебаниям и скандалам. Еще один способ продвижения влияния – сотрудничество с НКО, университетами, аналитическими центрами, «мозговыми центрами» с помощью грантов и прочего привлекательного финансирования, в котором эти структуры почти всегда отчаянно нуждаются. В обмен на финансовую поддержку они представляют НАТО (как ключевого спонсора) в благовидном свете и подробно описывают пользу его деятельности и прочие достижения.

Еще один канал влияния лежит через молодежь. Подростающее поколение наиболее активно задействовано в создании разного рода контента. Для того, чтобы обернуть и эту долю информационного потока себе на пользу, альянс проводит тщательно продуманные информационные акции. Например, в рамках кампании «Защитим будущее» НАТО работает с молодыми создателями контента из стран-членов альянса, помогая им проникнуть за кулисы штаб-квартиры НАТО, встретиться с экспертами и узнать, чем занимается структура, а также предоставляя молодым людям возможность рассказать историю НАТО по-своему. Проще говоря, НАТО переманивает на свою сторону популярных среди молодежи блоггеров и инфлюэнсеров и использует их медийное влияние на определенную социальную группу (подростки, молодежь) для продвижения благоприятного имиджа НАТО.

Исследования НАТО в области информационной войны в киберпространстве сосредоточены на противодействии воздействию в онлайн-среде, и в целом их можно разделить на три категории. Первая категория посвящена методам, используемым в цифровой информационной войне, включая использование методов дезинформации на онлайн-платформах и развертывание кибератак для ведения информационной войны. Вторая категория состоит из исследований, посвященных тактике ведения цифровой информационной войны, связанной с Россией. Наконец, третья категория включает в себя исследования, посвященные цифровым информационным войнам в других международных условиях.

«Сдерживание» как стратегическая коммуникация в рамках так называемой «шестой волны сдерживания» значительно эволюционировала за последнее время. «Волны» в информационной политике НАТО относятся к стратегиям, направленным на поддержание безопасности и интересов альянса через информационные средства. Шестая волна сдерживания связана с использованием информационных технологий и киберпространства для защиты и противодействия угрозам безопасности, таким как кибератаки и дезинформация. Пять

предшествующих волн сдерживания в информационной политике НАТО включали различные стратегии и подходы к обеспечению безопасности альянса в информационной сфере. Эти кампании могли включать в себя такие меры, как пропаганда, контрпропаганда, шпионаж, манипуляции информацией и другие методы информационной борьбы. Каждая волна характеризовалась определенными технологическими и стратегическими особенностями, соответствующими своему времени.

На данный момент используется две основные политики «сдерживания»: «сдерживание путем отрицания» (устойчивость) и сдерживание «путем наказания» или «увеличения затрат» [7]. «Сдерживание путем отрицания» делится на два вида тактик: технический и стратегический. Технический отказ может включать, например, усиление киберзащиты и других технических возможностей, а также закрытие или отказ в доступе к новостной платформе или изданию, которые, распространяют неудобную информацию. Стратегическое отрицание может включать в себя (заслуживающие доверия) действия по отрицанию целей, например, оказывание влияния на «психологическую сферу» посредством образования и создания определенного паттерна мышления, или через средства массовой информации для поиска фактов и псевдо-фактов. Однако основная критика заключается в том, что сдерживание, включая сдерживание путем отрицания, основано на создании определенных издержек и четкой идентификации противника. Информационное сдерживание путем наказания – это стратегия, направленная на убеждение потенциального противника отказаться от определенных действий или поведения за счет создания негативных последствий или увеличения стоимости для него. Это может включать в себя несколько тактик: информационные и финансовые санкции, технологическое противодействие, психологические и подрывные операции.

В настоящее время приоритетными задачами для России по противодействию вражеской пропаганды являются и разработка ПО отечественного производства, создание собственной продвинутой системы безопасности, которая позволит отслеживать трафик внутри России для служб безопасности и вооруженных сил, а также защитить данные от использования извне, использовать в эксплуатацию системы наблюдения и локализация и хранение массового трафика данных.

Повышение информационной грамотности граждан Российской Федерации является одной из приоритетных целей политики страны. Стратегическая важность обусловлена не просто в обеспечении связи между властью и обществом, а в защите граждан от дезинформации и манипуляции, последствия которых могут привести к нестабильности и разобщению общества. Консолидация – это основа силы и стабильности страны, поэтому критически важно проводить информационную политику, направленную на единение общества. Наиболее верным стратегически является решение о введении в школах специальных уроков «о важном», которые с раннего возраста закладывают основы патриотического воспитания в личности человека.

Необходимо отметить, что важнейшим фактором информационной защиты является сохранение цифрового суверенитета страны. В России важным компонентом цифрового суверенитета является российский Интернет («Рунет»), состоящий из популярных поисковых систем и сайтов социальных сетей, таких как «Дзен», «ВКонтакте» и «Telegram». Именно эта система позволила России установить контакт с русскоязычными меньшинствами за рубежом, расширяя сферу влияния России в цифровой среде [8]. Также «Рунет» полезен с точки зрения обеспечения социальной устойчивости и восстановления, целостности командования и общей эффективности [8].

Устанавливая связи с зарубежными аудиториями, стоит учитывать разделение на дружественные и недружественные страны. Несмотря на все запреты и разрывы связей Россия не должна сдавать свои позиции на информационном фронте западного мира. Ведь надо понимать, что речь идет именно о недружественных правительствах определенных стран, а не народах. Необходимо обеспечить правдивой информацией людей, сделать разнообразными их медийный рацион. При этом месседжи для исходя от конкретной ситуации и настроений стоит подбирать отдельно, и, вполне очевидно, что информационная политика в разных регионах будет отличаться. Однако, как показывает практика, личные связи с представителями политического, журналистского и дипломатического сообщества как правило являются наиболее действенными. Локальные СМИ – тоже один из эффективных способов продвижения нарративов и месседжей в привычной для читателей или слушателей форме.

Рассматривая картину более глобально, важно реализовывать инициативы как в России, так и вне по повышению медиаграмотности, и работе над «заслуживающим доверие» имиджем собственных СМИ.

Более того, необходимо создать и развивать межгосударственные, наднациональные структуры по вопросам пропаганды и информационных войн с ближайшими союзниками, которые разделяют интересы и ценности (такими как Китай и Иран). Эти действия будут способствовать укреплению авторитета Российской Федерации в международном информационном пространстве и появлению возможности коллективно противостоять западной пропаганде [11]. Организация совместных проектов и информационных операций способствует не только достижению общих целей, но и обмену опытом между специалистами, а также демонстрирует всему миру единство стран, стремящихся к более справедливому многополярному миру.

Все больше чувствуется потребность действовать более проактивно в информационной среде, особенно в условиях гибридной войны. Сейчас Российская Федерация лишь отвечает на угрозы и акты применения агрессии на основе принципа взаимности, но ресурсы страны позволяют перейти в атаку, наступать первыми, а не ждать следующего удара, чтобы ответить.

В целом, придерживаемся следующей точки зрения: в условиях «прокси войны», «гибридной войны», иностранного информационного вмешательства необходимо вести более агрессивную политику по информированию масс

общественности, ввести систему анализа раннего обнаружения угроз, а также разносторонней всеобъемлющей политики с партнерами на разных уровнях: от межгосударственных (например, проведение специальных операций с союзниками), взаимной поддержки со стороны НКО, мониторинговыми агентствами и агентствам по связям с общественностью, до работы с местными лидерами мнений.

Подводя итог, стоит в очередной раз подчеркнуть, что понятие «гибридная война» уже прочно заняло свое место в лексиконе наших дней. И, как говорится, «на войне, как на войне». Нужно быть готовым ответить угрозам, исходящих от противников.

Так, Специальная военная операция России на Украине, по словам министра иностранных дел Сергея Лаврова, приобрела черты гибридной войны коллективного запада против России, и во многом эта война ведется на информационном фронте [2].

В последней редакции Концепции внешней политики России 2023 года, учитывая все геополитические изменения, по объективным причинам информационной сфере выделяется особая роль.

В этом контексте было бы уместно привести слова Министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова: «Под предлогом украинского кризиса коллективный запад объявил нам тотальную гибридную войну. Она охватывает разные области, включая и информационное пространство. Запад демонстрирует нетерпимость к альтернативным точкам зрения, под каток западных репрессий попадают и отдельные пользователи, и крупные средства массовой информации со всей инфраструктурой распространения новостей. Полностью надежно мы можем полагаться только на наши отечественные онлайн-платформы и информационно-коммуникационные решения» [3].

Поэтому в настоящее время СМИ это уже не просто «четвертая власть», а отдельная, не сравнимая по масштабам влияния с государственной, сила. На пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Будущее начинается сегодня: контуры завтрашнего мира» в 2016 г., за несколько лет до «горячей фазы» украинского конфликта, Владимир Путин отмечал, какую роль СМИ играют в создании образа России за рубежом. Именно подконтрольные НАТО СМИ играют на антироссийских настроениях, разжигают русофобию, формируют отношение к РФ как к «врагу» и не гнушаются даже методами и тактиками противостояния еще времен Холодной войны. Поэтому критически важно транслировать миру собственную российскую точку зрения на происходящее в мире. Для этого России еще предстоит сформировать систему реагирования на информационные угрозы, проанализировать и решить ряд насущных вопросов в медиа поле РФ [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>.
2. Российская Федерация. Концепция внешней политики России // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>.
3. Российская Федерация. Глава МИД РФ Сергей Лавров, выступил на конференции, посвященной цифровым международным отношениям. 11 апреля 2022 г. // https://www.itv.wv/news/2022-01-14/426487-glavamidrfsergey-lavrov-vystupilnakonferentail_poswaschennoy_tsifrovynmeshidunarodnymLobnoshentyam.
4. Российская Федерация. Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России. 2016 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>.
5. «Стратегическая концепция НАТО 2022» от 29.06.2022 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm.
6. NATO 2030: MAKING A STRONG ALLIANCE EVEN STRONGER // <https://www.nato.int/nato2030/>.
7. NATO's approach to countering disinformation // NATO.INT // https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_219728.htm?selectedLocale=en.
8. NATO Strategic Communications Centre of Excellence «RUSSIA'S STRATEGY IN CYBERSPACE». 2021.
9. Speech by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană in the spring session of the NATO Parliamentary Assembly // https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_195944.htm.
10. The Secretary General's Annual Report 2021 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_193590.htm.
11. **Theodore G., Jane Z.** Does Russian Propaganda Work? // The Washington Quarterly. 2016. Volume 39.

YA.L. SKVORTSOV

PhD in Sociology, Dean of the Faculty of International Journalism, MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

G.I. KAZARYAN

Bachelor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

E.A. KURILKINA

Bachelor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

HYBRID WARFARE: NATO'S INFORMATION STRATEGIES AND CHALLENGES FOR RUSSIA

The article examines NATO information strategies and their impact on Russia in the context of a hybrid war. The relevance of the study is due to the need to protect national sovereignty and information security of Russia. The main goal of the work is to analyze NATO information operations and develop countermeasures. The authors examined official NATO documents, including the NATO 2030 doctrine, and identified methods of disinformation and propaganda. The main objectives include studying the methods of information impact, assessing current protection measures and developing recommendations for strengthening them. In the course of the work, methods of comparative analysis and monitoring of the information space were used. The results of the study emphasize the need to consolidate the efforts of the state and civil society to counter external information threats and improve the information literacy of the population. The authors' recommendations are aimed at developing national information platforms and strengthening international cooperation in the field of information security.

Key words: global politics, NATO 2030, hybrid war, information war, strategic concept, propaganda, disinformation.